ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.111-26
DOI 10.5281/zenodo.21643389

Бицкая С. К.

Бицкая Софья Константиновна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, д. 48, набережная реки Мойки, Санкт-Петербург, Россия, 191186. E-mail: bitskaya.sophia@gmail.com.
Научный руководитель: Вышенская Юлия Павловна, доктор филологических наук, профессор, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, д. 48, набережная реки Мойки, Санкт-Петербург, Россия, 191186. E-mail: bitskaya.sophia@gmail.com.

Гастрономическая утопия в повести Дж. Крюса “Timm Thaler oder Das verkaufte Lachen”

Аннотация. В данной статье рассматривается гастрономический код повести Дж. Крюса «Timm Thaler oder Das verkaufte Lachen». Объектом исследования является художественный текст произведения, предметом исследования — пищевые образы как средство репрезентации культурных и социальных смыслов. В исследовании применялись историко-генетический, лексико-семантический методы и метод стилистического контекстного анализа. Рассматриваются особенности взаимодействия мифологических представлений о пище, европейской гастрономической утопии и исторического опыта Германии XX века. Определяется культурная семантика компонента “Kuchen” в немецкой лингвокультуре и в тексте повести. В результате выявлено, что гастрономический код выполняет символическую функцию, участвуя в репрезентации национальной системы ценностей.
Ключевые слова: немецкая лингвокультура, гастрономический код, гастрономический компонент, гастрономическая утопия, культурная семантика, детская литература.

Bitskaya S. K.

Bitskaya Sofya Konstantinovna, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Building 48, Moika River Embankment, St. Petersburg, Russia, 191186. E-mail: bitskaya.sophia@gmail.com.
Scientific Supervisor: Vyshenskaya Yulia Pavlovna, Doctor of Philology, Professor, Associate Professor, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Building 48, Moika River Embankment, St. Petersburg, Russia, 191186. E-mail: bitskaya.sophia@gmail.com.

Gastronomic utopia in “Timm Thaler oder Das verkaufte Lachen” J. Krüss

Abstract. This article examines the gastronomic code in James Krüss's novel "Timm Thaler oder Das verkaufte Lachen*"*. The object of the study is the literary text of the novel, while the subject of the research is food imagery as a means of representing cultural and social meanings. The study employs historical-genetic and lexical-semantic methods and the method of stylistic contextual analysis. Particular attention is paid to the interaction between mythological conceptions of food, the European gastronomic utopia, and the historical experience of twentieth-century Germany. The cultural semantics of the component "*Kuchen"* are analysed both within German linguaculture and in the narrative of the novel. The findings demonstrate that the gastronomic code performs a symbolic function, contributing to the representation of the national system of values.

Key words: german linguaculture, gastronomic code, gastronomic component, gastronomic utopia, cultural semantics, children's literature.

Введение.

Детская литература, к которой относят фольклорные и литературные сказки, вопреки кажущейся простоте формы и содержания, имеет высокую культурную значимость. Интерес для культурологии и лингвокультурологии представляют сказочные пищевые образы.

Материалом предлагаемого исследования является повесть Дж. Крюса "Timm Thaler oder Das Verkaufte Lachen". Несмотря на широкую известность и социальную проблематику, актуальную для немецкой культуры, анализируемое произведение до настоящего времени не получило комплексного филологического, лингвистического и лингвокультурологического осмысления. Исследование пищевых образов повести позволяет раскрыть особенности репрезентации немецкой языковой картины мира, выявить национально-культурную специфику концептуализации пищи и определить роль гастрономического кода в художественном тексте.

В работе применяются историко-генетический метод и методы лексико-семантического и стилистического контекстуального анализа. Комбинация методов позволяет изучить возникновение лингвокультурного факта, его отражение в национальном языке и в различных литературных формах, включая художественный текст произведения детской литературы.

Г. Г. Молчанова определяет роль пищевых традиций в общей материальной культуре человека тремя положениями: еда «проявляет <…> нравы народа», выступает показателем «общего уровня цивилизованности, <…> уровня приспособляемости к природным условиям среды обитания», является критерием «определения психического склада нации» [7, с. 21].

Пищевые образы и примитивные кулинарные практики наделялись сакральным значением в мифологии народов мира. К. Леви-Стросс, изучая мифологию индейцев Южной Америки, анализирует миф народа мундуруку о происхождении сельского хозяйства, также объясняющий появление звезд и насекомых. Волшебные превращения объясняются поеданием приготовленной или сырой пищи. Ритуальными свойствами обладает мед и продукты, изготовленные на его основе, а овладение техниками кулинарной обработки меда маркирует зарождение культуры [5, с. 51].

Согласно точке зрения М. М. Бахтина, европейская фольклорная традиция закрепляет за актом приема пищи положительную коннотацию: «…границы между телом и миром преодолеваются в положительном для тела смысле: оно торжествует над миром, над врагом, празднует победу над ним, растет за его счет. Пиршественное торжество — универсально: это торжество жизни над смертью» [2, с. 312]. Пир принадлежит классу народно-праздничных образов, карнавальной смеховой культуре средневековой Европы, рассмотренной

М. М. Бахтиным на материале цикла романов «Gargantua et Pantagruel» Ф. Рабле.

В средневековой литературе встречаются гастрономические пространства Le Pays de Cocagne (фр.), The Land of Cockaigne (англ.), Cuccagna (итал.), Cucaña (исп.), Schlaraffenland (нем.), Luilekkerland (дат.). Академиком М. П. Алексеевым предложен термин «Страна Пирожков», которая описывается как райское место, «где все пьют и едят без конца, где нет ни злых людей, ни змей <…>, где текут молочные, винные и медовые реки и где даже монастырская обитель окружена валом из паштета и стеной из пудинга». По предположению М. П. Алексеева, образ происходит из французского фабльо и впервые встречается в английской литературе в XIII в. [1, с. 129–130]. Ю. П. Вышенская рассматривает Страну Пирожков как утопию, отражающую коллективные мечты общества, жившего в условиях постоянной угрозы голода, тяжелого труда и строгих ограничений [3, с. 219]. В трактовке Г. Плейжа Страна Пирожков связана с библейским сюжетом грехопадения Адама и Евы. В религиозной картине мира именно изгнание из рая стало причиной человеческих страданий: тяжелого труда, голода, болезней и смерти. Гастрономическая утопия, представляя фантастическое пространство, где вновь становились возможными изобилие, праздность и счастье без необходимости трудиться, выражала глубокое сожаление об утраченной райской жизни [16, с. 3–12].

Кулинарные компоненты в фольклорных и литературных сказках, в детской литературе также наделяются социальным значением. В предисловии к исследованию “Voracious Children: Who Eats Whom in Children's Literature” К. Дэниел отмечает, что гастрономические фантазии в детской литературе отражают общественные и семейные отношения, нормы поведения и моральные ценности определённой эпохи, раскрывая культурные представления о детстве и отношение общества к ребёнку [10, с. 1–2]. Например, во время действия карточной системы после Первой и Второй мировых войн нехватка жиров и сахара в рационе британцев, по-видимому, повлияла на пищевые предпочтения многих людей, в особенности детей. Исследователи предполагают, что детские мечты о сытной пище и сладостях воплотились в гастрономическом коде знаковых романов XX века: в “The Hobbit, or There and Back Again” («Хоббит, или Туда и обратно») Д. Р. Толкина хоббиты садятся за стол шесть раз в день, в “The Lion, the Witch and the Wardrobe” («Лев, Колдунья и Волшебный шкаф») К. С. Льюиса герои угощаются волшебным рахат-лукумом и получают приглашение на чаепитие с фавном [10, с. 72].

В исследовании “From Mythic to Linear: Time in Children’s Literature” М. Николаева предлагает точку зрения, согласно которой произведения детской литературы являются результатом преобразования фольклорных и мифологических сюжетов, поэтому гастрономический код не столько отражает социальный контекст, сколько выполняет ритуальную и символическую функцию. Еда выступает в качестве волшебного предмета, обеспечивает связь героя с «домом», который он покидает, обозначает принадлежность к той или иной группе. Примером также служит мотив «кормления» и его трансформации. В мифологиях народов мира происхождение пищи связано с тотемным животным или с «Прародительницей» (Protogenitrix) — женским божеством земли и плодородия. В детской литературе ребенка «кормят» взрослые, чаще всего — мать, что стоит интерпретировать как мифологическую метафору земли (прародительницы) — матери и источника пищи. Социальное значение при этом не отрицается (образ матери, кормящей детей, воплощает традиционную роль женщины в семье), однако рассматривается как второстепенное по отношению к метафорическому [15, с. 27]. Однако образ Страны Пирожков в литературе разных эпох в равной степени

реализует древние представления о «потерянном рае» и реакцию на социальные и политические кризисы — голод, бедность и войны.

Результаты.

В немецкой литературе гастрономическая утопия встречается во всемирно известной сказке “Hansel und Gretel” («Гензель и Гретель») из сборника братьев Гримм. В трактовке К. Дэниел, пряничный домик воплощает представление о недоступном для крестьян мире достатка и роскоши. Особое значение имеет сахар, который в средневековой Европе был дорогостоящим продуктом и оставался привилегией знати. Фантазия о доме из сладостей символизирует не столько насыщение, сколько стремление к благополучию и освобождению от бедности. Показательно, что финал сказки связан не с обретением неиссякаемого источника пищи, а с находкой драгоценностей, благодаря которым семья дровосека избавляется от нищеты [10, с. 63].

Гастрономическая утопия также реализуется в сказке “Der süße Brei“ («Сладкая каша»). Для европейского крестьянства позднего Средневековья и раннего Нового времени голод был частью повседневной жизни: неурожаи и войны нередко вынуждали людей питаться дикорастущими травами и кореньями. В этих условиях волшебный горшочек, варящий сладкую пшенную кашу для бедной вдовы и ее дочери, становится художественным воплощением мечты об избавлении от голода и нищеты. По мнению К. Дэниел, в подобных сюжетах ключевым оказывается не качество пищи, а возможность бесконечного насыщения [10, с. 63].

Политические, экономические и социальные кризисы Германии XX в. определили контекст повести Дж. Крюса “Timm Thaler oder Das Verkaufte Lachen”. Рассказчик определяет хронологические рамки событий повести 1930 годом. В эпоху между двумя мировыми войнами Германия продолжала выплачивать репарации, находясь в зависимости от импорта. Нерешенной оставалась проблема безработицы. Экономическая ситуация не привела к массовому голоду, однако 19 миллионов семей недополучали мясо, молоко и масло, а число немцев, приближающихся к черте бедности, увеличивалось [17, с. 50]. Повесть была опубликована в 1962 году, после Второй мировой войны и «нулевых годов» восстановления экономики, переосмысления прошлого и становления нового государства. В первые месяцы после войны нестабильное снабжение продовольствием и скудные нормы рациона, устанавливаемые в рамках карточной системы, в сочетании с тяжелым принудительным физическим трудом привели к массовому голоду. Установленная норма дневного пайка составляла в различных оккупационных зонах от 1040 до 1500 килокалорий, но фактически по талонам выдавалось вдвое меньше продуктов. Продовольственные карточки также использовались как мера дисциплинарного воздействия: например, нарушение декрета об обязательном труде грозило лишением права на получение пайка [9, с. 444–445]. По свидетельству Виктора Голланца, крупнейшего британского книгоиздателя, общественного деятеля и гуманиста, около 100 000 жителей Гамбурга страдали от «голодных» отеков [12, с. 26]. В письме редактору газеты “The News Chronicle” В. Голланц выражает возмущение по поводу заявления британской оккупационной власти о «роскошном» Рождественском пайке, включающем дополнительную порцию мяса, птицы и сахар [12, с. 30].

Исторический опыт обусловливает семантику гастрономических образов в повести Дж. Крюса. Одним из ключевых компонентов гастрономического кода произведения становится традиционный немецкий пирог Bienenstich, выпекаемый из дрожжевого теста, покрытый карамельной глазурью из сливочного масла, сахара и миндаля.

В гастрономической культуре Германии пироги — часть праздничной трапезы, участвующая в ритуалах. Пироги выпекались в форме животных, колеса, звезды, кольца, украшались надрезами,

изображающими крест. Сдоба подавалась к столу, служила угощением для соседей или скота, что отражало древние представления о единстве человека, животных и природного мира, применялась в гадании [8, с. 139–161].

Представление о пирогах как праздничном блюде зафиксировано во фразеологии. Фразеологические единицы, включающие компонент “Kuchen”, закрепляют за ним значения «особый», «ценный»: „Es wird nicht alle Grütze zu Kuchen verbacken“ [11, с. 99] — досл. не из всякой муки пекут пирог; „Jeder bestreicht seinen Kuchen“ [11, с. 552] — досл. каждый намазывает свой пирог; „Wer Kuchen gekostet hat, weiss wie Kuchen schmeckt“ [11, с. 846] — досл. кто пробовал пирог, знает, каков он на вкус; “Wer Kuchen hat, findet leicht einen Freund, der mitisst“ [11, с. 846] — досл. у кого есть пирог, тот легко найдет друга, который его разделит; „sich den Kuchen teilen“ [14, с. 897] — досл. отрезать себе кусок пирога, в значении «защищать свои интересы».

В оппозиции к компоненту “Brot” (хлеб), за которым закрепляется значение первостепенного, необходимого, составляющего основу существования [4, с. 24], “Kuchen” представляется как второстепенный, необязательный, символизирующий достаток, благополучие и изобилие: „Geschickte Hand isst Kuchen, wenn’s am Brote fehlt“ [11, с. 168] — досл. умелые руки при нехватке хлеба раздобудут пирог; “Einem Kinde, dem das Brot nicht schmeckt, soll man keinen Kuchen geben“ [11, с. 657] — досл. ребёнку, которому не нравится хлеб, не следует давать пирог; “Wer an Kuchen gewöhnt ist, dem schmeckt das Brot nicht“ [11, с.71] — досл. кто привык к пирогу, тому хлеб не по вкусу.

Значение компонента “Kuchen”, закрепленное в немецкой культуре, сохраняется в повести. Мачеха поручает Тиму купить шесть кусков пирога ко дню годовщины свадьбы с его отцом. Хотя отца Тима уже нет в живых, обязательный элемент праздника — Bienenstich — должен быть на столе. Покупка пирога в пекарне включается в ряд необходимых праздничных «ритуалов» посредством параллелизма:

„Sie schluchzte kurz auf (denn das tat sie sehr gern), und dann mußten tausend Dinge auf einmal erledigt werden: Blumen mußten auf das Grab gebracht, Kuchen mußte geholt, Kaffee mußte gemahlen und eine Nachbarin mußte eingeladen werden; das Kleid mußte gewechselt und das neue Kleid gebügelt werden; Timm mußte sämtliche Schuhe putzen und Erwin Blumen kaufen“ [13, с. 24] — «Она немного всплакнула (теперь это случалось с ней частенько), и вдруг оказалось, что дел по горло: надо отнести цветы на могилу, сбегать в булочную за тортом, намолоть кофе и пригласить соседку, переодеться, а значит, сначала погладить платье; Тиму было приказано вычистить всю обувь, а Эрвину идти за цветами» [5, с. 23].

Однако бедная семья Тима не может позволить себе праздничный пирог: хозяйка пекарни отказывается отпускать товар в долг до погашения прежнего счета. Оказывается, мачеха в тайне от Тима брала выпечку, накопив долг в двадцать шесть марок:

„Frau Bebber — so hieß die Bäckersfrau — sagte nämlich: „Erst muß die alte Rechnung bezahlt werden, ehe ich wieder anschreibe! Kannste zu Hause bestellen! Wer sich’s nicht leisten kann, soll keinen Kuchen kaufen! Sag das ruhig! Für Sechsundzwanzig Mark Kuchen! Möcht’ wissen, wer die alle frißt! So viel Kuchen kaufen nicht mal die Präsidents vom Wasserwerk! Und die mögen Kuchen, das kann ich dir flüstern, mein Junge!“ Timm stand einen Augenblick stumm vor Staunen. Er bekam wohl hin und wieder eine Zuckerbrezel oder ein halbes Stück Bienenstich von der Mutter, aber für sechsundzwanzig Mark Kuchen: Das waren ja ganze Kuchenberge! Sollte die Stiefmutter heimlich Kuchen essen, wenn die Nachbarin zum Kaffee kam? Er wußte, daß die Frauen oft zusammenhockten, wenn Erwin und er in der Schule waren» [13, с. 24] — «Фрау Бебер — так звали булоч-

ницу — сказала: — Сперва надо расплатиться за старое, а тогда уж я опять начну записывать в долг. Так и передай дома. У кого нет денег, может и без тортов обойтись. Так и скажи! На двадцать шесть марок сдобы накупили! Интересно, кто это у вас там все поедает?! Для директора водокачки и то столько не заказывают! А уж у них-то в семье любят полакомиться — кому-кому, а мне это хорошо известно! Тим онемел от удивления. Правда, изредка он получал от мачехи кусочек кренделя или коврижки. Но... на двадцать шесть марок сдобы! Да ведь это целые горы! Пирогов, пирожных, печенья, плюшек! Неужели мачеха съедает все это тайком от него и от Эрвина, когда соседка приходит к ней пить кофе? Он знал, что приятельницы часто болтают на кухне, когда они с Эрвином уходят в школу» [5, с. 24].

Гастрономические образы гиперболизированы: булочница, удивляясь аппетиту мачехи, сравнивает ее «покупки» с заказами самой богатой семьи города, а в воображении Тима возникают «горы пирогов» (Kuchenberge).

Bienenstich и прочая сдоба могут представлять в повести гастрономическую утопию: о празднике и безбедной жизни мечтают бедняки, чья жизнь полна лишений и разочарований. Повода для радости больше нет: отец Тима умер, и торжество годовщины свадьбы навсегда омрачено его смертью. По горькой иронии, могильные цветы и пирог в ряду «тысячи дел» стоят рядом. Пирог и сдоба, всегда приносящие праздник, символизирующие изобилие и благополучие (их регулярно заказывает семья зажиточного директора водокачки), недоступны герою и его близким.

Примечательно, что в рассматриваемом эпизоде о сладкой выпечке мечтают взрослые, а не дети. Желание мачехи получить лучший, самый свежий пирог из булочной передается грубой экспрессивной речью: “Hintenrum! Dreimal klopfen! Sag, ‘s is wichtig!“, „Scher dich nicht um ihr Grunzen! Laß dich nicht ohne Kuchen wegschicken! Bleib bei dem alten Brummpott stehen, bisse dir was gibt!“, „Sechs Bienenstich! Keine zweite Ware! Nur vom Besten! Sag ihr das!” [13, с. 23] — «Стучись с черного хода! Три раза! Скажи, очень важное дело!», «Пусть ворчит сколько влезет... Смотри не уходи с пустыми руками!.. С места не сходи, пока старая карга тебе не отпустит!», «Шесть кусков орехового торта! Пусть отрежет от самого свежего!» [5, с. 23].

В повести нарушается мотив «кормления» ребенка матерью. Тим, маленький мальчик, отправляется на скачки, чтобы выиграть деньги и оплатить покупку пирога для мачехи. На ипподроме герой встречается с антагонистом — «господином в клетчатом», бароном Тречем, обладающим магическими способностями. Барон, угощаясь куском пирога Bienenstich, предлагает Тиму обменять смех на способность выигрывать любое пари, что позволит ему оплатить заказ в булочной. Тим заключает абсурдную «сделку с дьяволом» и лишается способности смеяться и улыбаться, способности испытывать радость и удовольствие, которые ему приносили лакомства из булочной.

Гастрономическая утопия также реализуется во втором эпизоде заключения «сделки с дьяволом» — встрече барона Треча и Крешимира, друга Тима Талера. В детстве Крешимир жил в бедной хорватской деревне, где он постоянно голодал и мечтал о лучшей жизни. Повстречав барона, герой получил в подарок мешок гранатов — дорогой товар. Продав гранаты, Крешимир, несмотря на сильный голод, купил не хлеб, а дорогой торт, украшенный грецким орехом, кремом и вишней. В рассказе Крешимира торт противопоставляется хлебу аналогично оппозиции “Kuchen — Brot”: хлеб (Brot) символизирует простую пищу бедных, а торт (Nußtorte) — изобилие. Дополнительное значение компонента “Torte” также формируется посредством сравнения с лакомством ангелов:

„Ich hab’s dann irgendwo hinter einem Bretterstapel auf der Mole verzehrt, Bissen für Bissen, und dabei habe ich gedacht: Das essen die Engel im Himmel nun alle Tage”

[13, с. 72] — «И где-то за штабелем досок у причала я с жадностью уничтожил его в одну минуту. При этом я думал: "Так вот что едят каждый день на завтрак ангелы на небе!"» [5, с. 83].

Мечта оказывается недостижимой: съев кусок торта, Крешимир, страдавший от голода и не привыкший к такой пище, заболевает:

„Hinterher hab ich gekotzt. Entschuldige das Wort! Aber so war's! Mein Arme-Junge-Magen war dafür nicht gebaut. Ich spie wie ein Reiher. Und als ich damit fertig war und von der Mole zurück ans Land ging, stand wieder das Auto mit dem karierten Herrn da“ [13, с. 72] — «Потом меня вырвало. Мой живот был просто не приспособлен к такой пище. Когда я брел по дороге обратно в свою деревню, я опять встретил автомобиль, в котором сидел господин в клетчатом...» [5, с. 83].

Герой оказывается во власти Барона и отдает ему свои глаза.

Выводы.

Гастрономический код повести “Timm Thaler oder Das Verkaufte Lachen” представляет собой систему, в которой пищевые образы выступают одновременно носителями архетипических представлений о пище как символе жизни, праздника, изобилия и «потерянного рая», восходящих к образам гастрономической утопии и европейской сказочной традиции, и отражением социально-исторического опыта Германии XX века. Наиболее значимым компонентом гастрономического кода становится Kuchen (пирог), который в немецкой лингвокультуре противопоставляется Brot (хлеб) в значениях «праздничный» — «обыденный», «изобилие» — «нужда». Взаимодействие универсальных и национально-специфических смыслов позволяет рассматривать гастрономический код как один из ключевых механизмов репрезентации ценностной системы немецкой лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М.: Высшая школа, 1984. 351 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1965. 527 с.
3. Вышенская Ю. П. Формирование категории "поэтический стиль" в средневековом художественном тексте: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, СПб, 2023. 720 с.
4. Данилова В.А., Данилова Г.И. Фразеологизмы с кулинарным компонентом в контексте гастрономического кода немецкой национальной культуры // Studia Linguistica. Язык и человек в фокусе современной науки. 2014. № XXIII. С. 128–136.
5. Крюс Дж. Тим Талер или Проданный Смех. Х.: Изд. «Паритет» ЛТД, 1993. 240 с.
6. Леви-Строс К. *Мифологики: от меда к пеплу. Москва: FreeFly, 2007. 438 с.*
7. Молчанова Г. Г. Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 20–26.
8. Токарев С.А. (отв. ред.) Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX-начало XX в. Зимние праздники. М.: Наука, 1973. 351 с.
9. Bressel R. Germany 1945: From War to Peace. New York: Harper, 2009. 544 p.
10. Daniel C. Voracious Chilren: Who Eats Whom In Children's Literature. New York: Routledge, 2006. 265 p.
11. Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. 2 Bde. Leipzig, 1867. 965 p.
12. Gollancz V. In Darkest Germany. - Hinsdale: Regnery, 1947. 252 p
13. Krüss J. Tim Tahler oder Das verkaufte Lachen. Hamburg: Verlag Friedrich Oetinger GmbH, 1966. 206 s.

14. Lutz R. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd.2: Easy — Holzweg. 2 Bde. Freiburg: Herder, 1973. S. 349–734.
15. Nilolajeva M. From Mythic to Linear: Time in Children's Literature. Lanham Md., L.: The Children's Literature Association and The Scarecrow Press, 2000. 318 p.
16. Pleij H. Dreaming of Cockaigne: Medieval Fantasies of the Perfect Life. 1st ed. N.Y.C.: Columbia University Press, 2001. 544 p.
17. Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. New York: Viking, 2007. 799 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alekseev M.P. Literatura srednevekovoj Anglii i Shotlandii. M.: Vy`sshaya shkola, 1984. 351 s.
2. Baxtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul`tura Srednevekov`ya i Renessansa. 2-e izd. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1965. 527 s.
3. Vy`shenskaya Yu. P. Formirovanie kategorii poe`ticheskij stil` v srednevekovom xudozhestvennom tekste: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk, SPb, 2023. 720 s.
4. Danilova V.A., Danilova G.I. Frazeologizmy` s kulinarny`m komponentom v kontekste gastronomicheskogo koda nemeczkoj nacional`noj kul`tury` // Studia Linguistica. Yazy`k i chelovek v fokuse sovremennoj nauki. 2014. № XXIII. S. 128–136.
5. Kryus Dzh. Tim Taler ili Prodanny`j Smex. X.: Izd. «Paritet» LTD, 1993. 240 s.
6. Levi-Stros K. Mifologiki: ot meda k peplu. Moskva: FreeFly, 2007. 438 s.
7. Molchanova G. G. Tradicii gastiki kak otrazhenie nacional`noj i regional`noj identichnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2013. № 2. S. 20–26.
8. Tokarev S.A. (otv. red.) Kalendarny`e oby`chai i obryady` v stranax zarubezhnoj Evropy` XIX-nachalo XX v. Zimnie prazdniki. M.: Nauka, 1973. 351 s.
9. Bressel R. Germany 1945: From War to Peace. New York: Harper, 2009. 544 p.
10. Daniel C. Voracious Chilren: Who Eats Whom In Childrens Literature. New York: Routledge, 2006. 265 p.
11. Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. 2 Bde. Leipzig, 1867. 965 p.
12. Gollancz V. In Darkest Germany. - Hinsdale: Regnery, 1947. 252 p
13. Krüss J. Tim Tahler oder Das verkaufte Lachen. Hamburg: Verlag Friedrich Oetinger GmbH, 1966. 206 s.
14. Lutz R. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd.2: Easy — Holzweg. 2 Bde. Freiburg: Herder, 1973. S. 349–734.
15. Nilolajeva M. From Mythic to Linear: Time in Childrens Literature. Lanham Md., L.: The Childrens Literature Association and The Scarecrow Press, 2000. 318 p.
16. Pleij H. Dreaming of Cockaigne: Medieval Fantasies of the Perfect Life. 1st ed. N.Y.C.: Columbia University Press, 2001. 544 p.
17. Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. New York: Viking, 2007. 799 p.

Поступила в редакцию: 25.07.2026.
Принята в печать: 03.09.2026.